

Избиение солнцем

По словам режиссёра, фильм является экранизацией сразу двух произведений Бунина: «Солнечного удра» и «Окаянных дней». Спешу утешить читателей: переживать, не извратила ли экранизация тексты Бунина, не стоит. Потому что Бунина в фильме почти не осталось, остался один Михалков. Хотя почему один? Много Михалкова.

«Солнечный удар», растянутый почти на три часа, ударом быть перестаёт. Нет удара, нет вспышки, нет короткого мига, осветившего жизнь. История о встрече, о страсти, охватившей двух людей, расплывается. Эмоция, сконцентрированная в маленьком рассказе, от лишних подробностей расплывается, бледнеет и ускользает. Это Бунин со всякими «вспышками» мелочится, а Михалков и длинную предысторию придумает, и дальнейшую жизнь героя покажет. А что впечатление теряется, так не зтем Михалков фильм снимал. На что ему впечатление, если есть идеология, которая лезет почти из каждой фразы все три часа?

Ещё более непонятно, кто и по какой причине назвал это экранизацией «Окаянных дней». Или всё, что о крушении старого мира и начале эмиграции, для Михалкова «Окаянные дни»? Но почему обязательно Бунин, а не Шмелёв, не Алданов, не любой другой автор?

Несмотря на то, что события фильма от книжных далеки, почти всё угадывается за минуту-другую до того, как отобразится на экране. Стоит только главному герою, получившему от фокусника новые часы, приехать в городок на Волге, где все окают, как я уже вспоминаю окающего комиссара Георгия Сергеевича с его часами и жду, что скоро появится какой-нибудь мальчик Георгий. И точно, героя весь день водит по городу Егорий. Стоит офицеру коснуться коляски, как я понимаю, что коляску сейчас пустят по лестнице — должен же Михалков показать, что помнит Эйзенштейна. И всё в таком духе.

Единственное, чего не угадала: когда герой нырнул с берега в Волгу, я подумала, что в финале, едва баржа начнёт тонуть, возникнет флэшбэк — этот момент повторится как последнее воспоминание. Не-а, не повторилось.

Режиссёр отчаянно проталкивает идею, что вся причина бед и крушений в образовании: мальчику рассказали про теорию Дарвина и на один день показали, как живут господа. А ничего не знал бы, жили бы хорошо.

Причём всем уже понятно, куда клонят авторы, уже раз про этого Дарвина сказали, второй напомнили. Но нет, нужно повторять до бесконечности, изображать картинное изумление («Это выходит, и царь-батюшка от обезьяны»), да ещё напомнить в конце, чтобы самый глупый зритель проникся великой идеей. Какие там намёки и смысловые тонкости! Каждую мысль нужно разжевать и повторить раз двадцать, а то вдруг не поймут. На малейшее уважение к зрителю рассчитывать не приходится: господин Михалков не допускает, что у зрителей хватит ума понять его намёки с первого раза.

Идеология пронизывает всё. Все герои у Михалкова чётко делятся на плохих и хороших, причём изображение достоинств или недостатков героя примитивное, карикатурное, проще было бы только ярлычок на лоб наклеить. Хотя бы минимальной логики характера нет и не предвидится.

Как показать плохого? Сделать его смешным. Юмор на уровне: «Ха-ха-ха, он говорит по-русски с акцентом, как смешно».

Плохой фокусник нечаянно сломал часы героя, а потом в ресторане карикатурно напился, карикатурно начал объяснять герою, что его место не здесь, а в конце всхлипывает: «Россию жалко». С какой стати тот, кому жалко свою страну, будет уговаривать человека, которого

он считает порядочным, переехать в другую? Что за бред? Но Михалкову логика не нужна, нужно обозначить смешного и плохого.

Ротмистр-нацист, который постоянно устраивает истерики по малейшему поводу, ругается, что судьбу офицеров решают «мадьяр и жидовка» и что в своё время мало вешали на реях — хороший. Полковник, который говорит ротмистру, что взгляды черносотенцев русскому офицеру не к лицу — плохой, он обязательно окажется доносчиком. И другой хороший и правильный михалковский герой задушит доносчика удавкой и будет произносить прочувствованные монологи о том, какая плохая русская литература, «сто лет себя говном поливали». Это далеко не самое грубое слово в фильме. Кажется, господин режиссёр считает, что фильм без мата и ругани в беседах образованных белогвардейских офицеров будет недостаточно интересен простым зрителям.

Михалков неуклонно подводит к тому, что если сломанную руку много хвалить, говорить, какая она правильная, прямая, ровная, не обращать ни малейшего внимания на перелом, то перелома и не будет. Наши руки — самые целые руки в мире!

Не нужно ни Гоголя, ни Чехова, ни Бунина — нужен один Михалков, который всё за них допишет идеологически верно.

Вот только интересно, понимает ли сам Михалков, к чему он таким образом ведёт. Задумывается ли, что останется, если вот это самое «вредное» и «плохое» забыть, а оставить только «ура»? Или всерьёз считает себя столь великим, что ни Пушкина, ни Толстого не нужно?

Пора бы Никите Сергеевичу понять, что на двух стульях усидеть невозможно, и позиционировать себя как представителя великой русской культуры, предварительно от этой культуры отрекшись, по меньшей мере нелогично.